

«СВЯТОЙ ФОМА АКВИНСКИЙ» Г.К.ЧЕСТЕРТОНА. ТРАНСФОРМАЦИЯ ЖАНРА БИОГРАФИИ

© М.А.Козырева

В статье рассматриваются жанровые особенности биографии св. Фомы Аквината, написанной Г.К.Честертоном, в сопоставлении с жанром жития и другими биографическими сочинениями автора. Прослеживается сочетание в тексте документального и художественного начала. Показано, что опираясь на исторически недостоверные источники (легенды, популярные жития Аквината, его живописные изображения), автор беллетризирует их с целью достичь иллюзии большей достоверности. В тексте очевидно сочетание исповедального и публицистического начал.

Ключевые слова: Аквинат, Честертон, биография, житие, жанр.

В настоящее время, когда читательский интерес к различным жанрам non-fiction чрезвычайно высок, детальное изучение такой формы, как литературная биография, сочетающая в себе черты документального и художественного, становится весьма актуальным. Хотя многие литературоведы обращаются к отдельным проблемам этого жанра [1, 2], очевидно, что требуется более глубокое осмысление его своеобразной природы и развития, особенно в зарубежных литературах. По справедливому замечанию британского ученого М.Бентона, «Литературная биография – это гибридная форма, в которой фактологическая основа сочетается с художественным повествованием» [3: 4] (Перевод мой – М.К.). Это сочетание определяет внутреннюю противоречивость жанра; в результате в каждой отдельной биографии может превалировать документальное или художественное начало, реальность и вымысел; авторы ищут пути «примирения» этих, казалось бы, несовместимых компонентов. Как нам представляется, Г.К.Честертон, стоявший у истоков развития биографической формы в английской литературе XX века, в своих произведениях наметил пути преодоления этого противоречия, предопределив дальнейшее развитие жанра.

Среди его многочисленных сочинений, посвященных жизни и творчеству писателей и художников, особо выделяются две биографии святых римско-католической церкви: «Святой Франциск Ассизский» и «Святой Фома Аквинский», с необходимостью несущие в себе черты агиографического жанра, с одной стороны, и литературной биографии – с другой. «Святой Фома Аквинский» фактически завершает линию биографических сочинений автора, представляя поэтому особый интерес для исследователей.

Очерк был заказан Г.К.Честертону тем же издательством, в котором десять лет ранее был опубликован его же «Святой Франциск Ассиз-

ский». По замыслу издателей, обе книги должны были быть напечатаны теперь под одной обложкой, и, соответственно, писатель хотел каким-то образом связать их между собой. «Святой Франциск Ассизский» пользовался и пользуется по сей день большой популярностью, что, впрочем, во многом связано не только с мастерством автора, но и самой личностью святого. Вызвать такой же интерес к фигуре мыслителя-схоласта св. Фомы было сложнее. Известно, что многие знакомые Г.К.Честертона испытывали большую тревогу в связи с этим заказом, зная достаточно легкомысленное отношение писателя к документальным источникам и опасаясь провала. Писатель надиктовал своему секретарю Мэйзи Уорд половину книги, вообще не обращаясь к каким-либо источникам, затем запросил литературу по данному вопросу, бегло проглядел несколько книг и продиктовал ей вторую половину, опираясь в первую очередь, как обычно, на свою интуицию.

По-видимому, круг источников, которыми он пользовался, был, действительно, узок, т.к. тематически автор ограничивает повествование только несколькими фактами, общеизвестными по многочисленным житиям святого; обсуждает некоторые аспекты его философии (например, освоение св. Фомой учения Аристотеля); подробно рассказывает о его борьбе с абигойской ересью и соотносит взгляды Аквината с традициями францисканства, августинства и доминиканства. При этом вполне сознательно он не затрагивает теологию Фомы. Адресуя свое произведение не католикам, а агностикам и иноверцам, не знакомым с деяниями Аквината, Г.К.Честертон ставит своей задачей написать не житие, а очерк жизни святого.

Уже в вводной главе писатель перекидывает мостик к биографии св. Франциска, указывая на разницу типажей своих героев: «Я сказал, что

портреты эти – только контуры. <...> Св. Франциск был маленький, сухонький, натянутый, как тетива, и стремительный, как стрела <...>. А Фома был тяжелый, как вол, толстый, медлительный и кроткий, очень кроткий и великодушный, но не слишком общительный» [4: 268, 269] Как нами было показано ранее, в очерке «Святой Франциск Ассизский» автор в полном соответствии с этим пониманием образа святого пользовался эмоциональными формами повествования, увлекая читателя не столько содержанием его учения, сколько его поэзией и драматизмом его жизни [5]. Обосновывая важность и актуальность обращения к образу св. Фомы, Г.К.Честертон говорит: «Парадокс истории в том, что каждое поколение людей спасает святой, ничуть на них не похожий» [4: 270]. «XIX век ухватился за романтику францисканства, потому что в нем самом романтики не было. XX хватается за разумное богословие томизма, потому что в нем самом нет разумности». [4: 271] Это утверждение оттеняется его собственным отношением к обоим персонажам: «И вот, признаюсь, романтическая слава Франциска ничуть не меркнет для меня, но с годами я все больше люблю грузного человека, несомненно, обладавшего и милостью, и мудростью, как обладают наследственным замком, и гостеприимно, хотя и рассеянно, делившегося ими. Святой Франциск – не от мира сего; и все же, иногда, он слишком для меня боек» [4: 270]. Г.К.Честертон, характерным для него образом, формируя изначально читательскую рецепцию, сочетает во введении к книге публицистический дискурс с исповедальным. Такое отношение к объекту творческого осмысления позволяет предположить высокую степень его «вчитывания себя» в текст жизнеописания.

Сложность состояла и в самой жанровой установке. Г.К.Честертон не стремился создать житие, хотя с неизбежностью должен был использовать элементы агиографии. Не мог он и следовать приемам, присущим биографиям творческих личностей, вышедших ранее из-под его пера. Там он выводил образы центральных персонажей, исходя из анализа и своего индивидуального восприятия их художественного творчества. Обладая прекрасной интуицией и будучи тонким литературным критиком, он точно угадывал характеры и создавал живые и выпуклые образы. Однако в данном случае этот подход оказывается невозможным. Св. Фома Аквинский не оставил нам художественного наследия за исключением нескольких гимнов. Источниками биографии, таким образом, становятся для Г.К.Честертон легенды, популярные жития святого и его живописные изображения. Поскольку для автора важ-

но создать объективный портрет или, по крайней мере, создать иллюзию объективности, он подает читателю эту информацию как исторически достоверную, «документальную». Именно это, на наш взгляд, определяет композицию книги. После четких авторских установок во введении следует краткая характеристика Фомы, далее дается жизнеописание от детства до зрелости, потом рассказывается о формировании его философских взглядов и излагаются основные принципы его философии, а также рассказывается о борьбе с манихейством, после чего идет глава о последних годах его жизни и чудесах. Это, с одной стороны, соответствует традиционной структуре жития, но каждый из моментов предельно беллетризируется и оживляется. Если философия Аквината излагается сухо и четко, как в научном исследовании, то его характер создается с помощью достаточно неожиданных для агиографии или документальной биографии приемов. Так, описание некоторых канонических для жизни св. Фомы моментов Г.К.Честертон подает с юмором, допуская мягкую иронию в адрес святого. Рассказывая о его бегстве из башни, куда он был заключен родственниками с целью удержать неразумного, с их точки зрения, юношу от опрометчивого шага вступления в орден нищенствующих доминиканцев, биограф пишет: «По преданию он спустил из башни веревку, а они [сестры] привязали к ней корзину – наверное, очень большую, потому что он сел в нее и спустился в мир» [4: 294]. Другие моменты Г.К.Честертон облекает таким количеством деталей, что у читателя создается впечатление, что автор сам был участником происходящего: «Только один раз он вышел из себя, ни раньше, ни позднее он так не гневался <...> В первый и последний раз Фома поистине себя не помнил, буря вырвалась из башни размышления и созерцания, в которой он обычно жил. Было это тогда, когда братья подослали к нему размалеванную блудницу, желая заставить его врасплох и совратить или хотя бы ввести в соблазн <...> Он вскочил, схватил из огня головню и замахнулся ею как пламенным мечом. Девица, конечно, закричала и кинулась из комнаты, чего он и добивался. Как, должно быть, напугал ее огромный безумец, жонглирующий пламенем! Он мог поджечь дом, но только кинулся за нею, с грохотом захлопнул дверь и, дважды ударив головней, начертал на ней большой черный крест. Потом вернулся, положил головню в огонь снова сел на свое место, где так любил размышлять...» [4: 291].

Иногда Аквинат сближается с другими героями Г.К.Честертон. Так, в одном из эпизодов он напоминает отца Брауна: «Когда он вошел в

Париж, ему показали с холма сверкание шпилей, и кто-то сказал: «Какое счастье владеть всем этим!»; а Фома тихо произнес: «Я бы предпочел рукопись Златоуста, никак ее не раздобуду!» [4: 308].

Столь же достоверно описывает автор и чуда св. Фомы, в частности моменты левитации. «Кто-то, кажется, подсмотрел то чудо, которое наши спириты зовут левитацией. Тут трудно ошибиться – зрелище было такое, словно церковная колонна превратилась в облако. Мы не знаем, какие духовные бури вздымают человека ввысь, но, почти несомненно, это иногда бывает» [4: 325].

Оживлению образа святого – а именно к этому писатель очевидно стремится – способствует и использование в качестве документального источника его живописных изображений. При этом Г.К.Честертон будто забывает, что все они были созданы после смерти Фомы и потому могут считаться портретами с большой долей условности. Описывая одно из полотен, он замечает, что в отрешенном молчании Аквината столько напряжения, словно он сейчас заговорит. Подробно описывая его внешность, большой рост, непомерную толщину, над которой сам святой порой иронизировал, и большую голову, он говорит о его сходстве с комическими фольклорными персонажами, при этом отмечая и непомерную мудрость: «Когда видишь такие головы – большие, с тяжелым подбородком, римским носом и куполом лысеющего лба, – так и кажется, что в них есть полости, какие-то пещеры мысли» [4: 319]. Разворачивая далее свою интерпретацию этого типа внешности, Г.К.Честертон прибегает к смелым, на грани святотатства, сравнениям. Утверждая, что внешность Фомы типична для итальянца, он обнаруживает в нем черты сходства с графом Фоска, записным злодеем из романа У.Коллинза. Автор оправдывается, говоря, что имеет в виду только тип внешности, однако это сравнение, сначала шокирующее, заставляет читателя точно запомнить внешность Аквината. Контраст является основным способом характеристики и в первой части очерка, где соотносятся образы св.Франциска и св.Фомы: «...увидь мы их на вершине далекого холма, они показались бы нам до смешного разными, словно рядом стоят Дон Кихот и Санчо Панса в монашеских одеждах или Фальстаф и Мозгляк» [4: 269]. Контрастны не только их внешние облики. Романтизм Франциска противопоставляется рассудочности Фомы, эмоция – мысли, поэзия – наука.

Немаловажную роль в очерке играет исторический фон. Однако, как утверждает сам автор, он рисует «фигуру на фоне пейзажа, а не пейзаж с фигурой» [4: 266]; следовательно, для него исторический контекст – это в первую очередь еще один способ характеристики св.Фомы. Если сравнить эту биографию с его же книгой о Дж.Чосере, или о св.Франциске, то мы увидим, что описания эпохи и средневековых реалий здесь гораздо меньше. Исторический фон представлен здесь всего лишь несколькими компонентами. Во-первых, это характеристика средневековья и особенностей перехода от средневековья к Возрождению; во-вторых, четко выделенные явления и фигуры, непосредственно формировавшие мировоззрение Аквината (абигойская ересь, Аристотель, св.Доминик, Блаженный Августин); в третьих, св.Франциск и его учение. Этим автор ограничивается, выделяя основное, не вдаваясь в детали, графически прорисовывая исторический фон. Подобный подход к истории, а также сближение св. Фомы с другими литературными героями, «оживление» образа делают его героем вне времени, близким читателю любой эпохи, в первую очередь – современнику автора.

Итак, Г.К.Честертон совмещает в своем повествовании признаки разных жанров, «нанизывая» их на канву житийной структуры и таким образом превращая житие в «очерк жизни святого». Здесь присутствует и полемически-публицистический дискурс, и ярко выраженное художественное начало. Все это формирует новый тип биографии, в котором эти, казалось бы, исходно несовместимые составляющие тесно переплетаются. Парадоксальным образом средством документализации недостоверных источников становится их фикционализация.

*****

1. *Коновалова Ж.Г.* Специфика биографического жанра в кино: образ писателя и его художественная трансформация // Филология и культура. *Philology and Culture*. – 2012. – № 4 (30). – С. 262 – 265.
2. *Бреева Т.Н.* «Новый биографизм» в современной русской литературе // Филология и культура. *Philology and Culture*. – 2012. – № 4 (30). – С. 14 – 17.
3. *Benton M.* *Literary Biography. An Introduction*. – Chichester: John Wiley & Sons Ltd, 2009. – 252 pp.
4. *Честертон Г.К.* Вечный человек. – М.: Политиздат, 1991. – 544 с.
5. *Козырева М.А.* Святой Франциск Ассизский Г.К.Честертон. Жанровые особенности // Филология и культура. *Philology and Culture*. – 2012. – № 4 (30). – С. 113 – 116.

«SAINT THOMAS AQUINAS» BY G.K.CHESTERTON.
TRANSFORMATION OF THE GENRE FORM

M.A.Kozyreva

The article deals with the genre peculiarities of G.K.Chesterton's biography of St.Thomas Aquinas, which are compared with a hagiography and other biographies by the same author. The combination of fiction and non-fiction is traced. It is shown that Chesterton based his book on unreliable sources, such as legends, popular hagiographies and portraits of St.Thomas Aquinas, but fictionalized them to make the reader think of them as reliable ones. The combination of confessional and journalistic discourse is manifest in the text.

Key words: Aquinas, Chesterton, biography, hagiography, genre.

*****

1. *Konovalova Zh.G.* Spetsifika biograficheskogo zhanra v kino: obraz pisatelya i ego khudozhestvennaya transformatsiya // *Filologiya i kul'tura. Philology and Culture.* – 2012. – № 4 (30). – S. 262 – 265. (In Russian)
2. *Breeva T.N.* «Novyy biografizm» v sovremennoy russkoy literature // *Filologiya i kul'tura. Philology and Culture.* – 2012. – № 4 (30). – S. 14 – 17. (In Russian)
3. *Benton M.* *Literary Biography. An Introduction.* – Chichester: John Wiley & Sons Ltd, 2009. – 252 pp. (In English)
4. *Chesterton G.K.* *Vechnyy chelovek.* – M.: Politizdat, 1991. – 544 s. (In Russian)
5. *Kozyreva M.A.* Svyatoy Frantsisk Assizskiy G.K.Chestertona. Zhanrovye osobennosti // *Filologiya i kul'tura. Philology and Culture.* – 2012. – № 4 (30). – S. 113 – 116. (In Russian)

*****

Козырева Мария Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры зарубежной литературы Института филологии и межкультурной коммуникации Казанского федерального университета.

420008, Россия, Казань, ул. Кремлевская, 18.
E-mail: kozyr2m@mail.ru

Kozyreva Maria Alexandrovna – PhD in Philology, Associate Professor, Department of Foreign Literature, Institute of Philology and Intercultural Communication, Kazan (Volga Region) Federal University.

18 Kremlyovskaya Str., Kazan, 420008, Russia
E-mail: kozyr2m@mail.ru

Поступила в редакцию 02.06.2014